

Еремин Сергей Владимирович

(родился 12.11.1952 г.)

НАЧАЛО

По окончании училища я получил распределение в Забайкальский ВО. «Вы поедете служить на станцию Ледяная» - объявил мне председатель комиссии по распределению.

Я не очень расстроился, так как мой отец после окончания войны с Германией продолжил службу на Дальнем Востоке, и пробыл там несколько лет до поступления в академию. Он всегда с восхищением рассказывал и о природе, и о людях тех мест. Но слово «ЛЕДЯНАЯ» меня настораживало.

Я был молодой, холостой, полный сил и «авантюризма». Впереди был выпускной вечер в училище, несколько последних дней в Риге, заказанные столики для нашей компании в кафе «Юрас Перле» на Рижском взморье.

На выпускной ко мне приехали мама и сестра, и мы все вместе, отлично проведя последние дни в Риге, отправились в Одессу к родственникам, где я никогда до этого не был.

Одесса – этот город и людей, проживающих в нём, и я полюбил его сразу. Люди были приветливы, отзывчивы и очень своеобразны. Мы вдоволь побродили по его улицам, побывали на всех пляжах, пожили в палатке на Каролина Бугаз, и в домике, обвитом виноградом на берегу моря, облазили всю Аккерманскую крепость.... Время пролетело быстро, пора было возвращаться и собираться в неизвестное мне и далекое место - «ЛЕДЯНАЯ».

Вернувшись из Одессы в Москву, я уже через два дня, в новой лейтенантской форме, вылетел из Шереметьево на ТУ-134 в город

Благовещенск, из которого ещё на поезде необходимо было добираться до станции Ледяная.

Основной проблемой было то, что с собой пришлось везти всю форму, выданную в училище, а также личные вещи. Получилось два чемодана и три тюка, а рук было только две. В Москве мне помогли с погрузкой багажа, а вот как добираться дальше с этим грузом - меня беспокоило больше всего.

Полёт занял 12 часов с 40-минутной промежуточной посадкой в Красноярске. Здесь уже чувствовалось во всём отличие от европейской части страны.

К Благовещенску мы подлетали утром. Перед посадкой самолёт начал делать резкий разворот, пролетая над серединой реки Амур. Я сидел слева у иллюминатора и увидел под собой Амур, на одном берегу которого был город Благовещенск, на другой - китайский город Хэйхэ. Крен самолёта был такой сильный, что стало немного не по себе. Меня успокоил пассажир, сидящий на соседнем кресле: «Раньше самолёт заходил на посадку над территорией Китая, а сейчас могут сбить. Поэтому такой разворот».

После посадки самолёта, ожидая получения своих вещей, я с беспокойством думал, как же мне со всеми этими тюками добираться дальше. Но по моей новенькой форме, окружающие сразу распознали во мне неопытного молодого лейтенанта. Помогли донести вещи до автобуса, едущего из аэропорта на железнодорожный вокзал. Загрузили все мои вещи в автобус, и пожелали счастливого пути.

Прибыв на вокзал, пассажиры автобуса, без каких-либо моих просьб, помогли донести вещи до камеры хранения. Сдав их в камеру хранения, я почувствовал небывалое облегчение и отправился в кассу покупать билет до станции Ледяная. Оказалось, что поезд будет только вечером и у меня впереди был почти целый свободный день, который я решил посвятить знакомству с городом.

Стояла солнечная, безветренная погода. Город на меня произвёл благоприятное впечатление. Прямые опрятные улицы, здания разных времён,

постройки в ухоженном состоянии, но, когда я попал на набережную, – был просто поражён. Передо мной была вывеска Советского Союза, обращенная в сторону Китая.

Новые современные здания различной архитектуры, скверы и духовой оркестр, играющий в одном из скверов на набережной. Это было очень современное и уютное место. Я погулял по набережной, людей на ней было мало, полюбовался на вид Амура, по которому плавала пара китайских, нещадно дымящих парохода, времен фильма «Волга-Волга», с большими гребными колёсами по бокам. С этих пароходов, через репродукторы, звучали цитаты Мао на русском языке, революционные марши и разные угрозы в адрес советских предателей – ревизионистов. Они были хорошо слышны в перерывах, которые устраивал наш оркестр.

Время подошло к обеду. Я спросил у прохожих, где можно пообедать и по рижской привычке, попить пива. Мне указали на высотную гостиницу, стоявшую на набережной под названием «Юбилейная».

На первом этаже был ресторан, в котором позже, за годы службы я побывал неоднократно; но я выбрал буфет на одном из верхних этажей. Хотелось из окна высотки получше рассмотреть китайский берег.

В буфете оказалось на выбор несколько сортов бутылочного пива. Я выбрал «Таежное», т.к. ещё в самолёте услышал положительные отзывы о нём, а также неплохой обед. В буфете практически никого не было. Расположившись за столиком у окна, я с интересом с высоты стал рассматривать противоположный китайский берег и город. Город представлял собой скопище тёмно-серых бараков со множеством тонких длинных труб. Серая невзрачная картина. Людей не было видно.

Ко мне подошла молодая буфетчица, завязался разговор. Знали бы вы, что здесь творилось не так давно – говорила она. Они почти каждый день устраивали казни на берегу, вешали людей вон на тех деревьях, растущих в ряд вдоль реки. Из-за этого наши городские школы пришлось перевести вглубь города. И сейчас это бывает, но редко. Трупы висят несколько дней,

потом их снимают и вешают новых людей. Разговорились, она рассказала мне о городе, о крае. Обед затянулся. Пора было ехать к поезду.

Проблема с вещами решилась также просто, как и в аэропорту. На этом поезде ехали в основном офицеры, в форме и по гражданке, а также солдаты – отпускники. Мне помогли загрузиться в поезд. Поезд прибывал на Ледяную где-то около 5 утра. Никто из окружающих на Ледяной не выходил. Боясь проспать свою остановку, я забылся беспокойным сном. Так прошёл мой первый день на Дальнем Востоке.

Проснулся я в четвертом часу утра, рассветало. За окном проплывали незнакомые мне пейзажи. Поразило меня низко опущенное чистое небо, поля с одинокими или группами растущих деревьев. Деревья были какие-то не такие, к которым я привык в Европе. Ближе к Ледяной пошла тайга с выделяющимися могучими соснами. Всё было необычно и красиво. Вспомнились написанные китайцами пейзажи, стало понятно, откуда они черпали своё вдохновение.

Подошедшая проводница сообщила, что следующая станция Ледяная. Я начал перетаскивать свои вещи в тамбур. Выгрузившись на перрон, я увидел небольшое здание вокзала с надписью «ЛЕДЯНАЯ».

На перроне никого не было. Из поезда вышел я один. Что делать? Даже спросить некого. Я закурил. И тут из-за угла здания вокзала вышел офицер с красной повязкой на руке. Ты чего стоишь? – крикнул он. Мы уже чуть не уехали. «А вы откуда?» —спросил я. Хотел назвать номер войсковой части, куда был направлен для дальнейшего прохождения службы. Не дослушав, он перебил меня: «Мы тут все свои, давай быстро в автобус!».

Это выражение - «тут все свои», я потом часто слышал на протяжении всей своей службы на Дальнем Востоке.

Офицер позвал бойцов своего патруля. Они подхватили мои вещи и занесли в автобус, который стоял за вокзалом, и со стороны перрона не был виден.

Городок располагался в трех километрах от станции. Мы подъехали к охраняемому КПП. Офицер из автобуса сказал, что везёт молодого лейтенанта, и нас пропустили. Меня подвезли к офицерской двухэтажной гостинице, занесли вещи. По дороге офицер сказал, чтобы я в 9.00 прибыл в отдел кадров дивизии.

Я был одним из первых молодых лейтенантов, прибывших в дивизию, и поэтому в отделе кадров получил направление в первый полк «ОС» под командованием грузина, уроженца города Поти, подполковника Гавашелишвили Карло Григорьевича. Представляясь ему по случаю своего назначения на должность инженера группы пуска, я впервые услышал его знаменитое: «СТИДНО, товарищ лейтенант!». Слово СТЫДНО он говорил через букву «и», а остальные слова с легким грузинским акцентом. Все это произносилось с величайшим выражением лица, с невероятным огнём в глазах. Вместо парадной формы на мне была повседневная, и моя отговорка, что я только с поезда и парадная форма ещё не распакована, и не приведена в нормальное состояние - не были приняты. Я получил замечание.

В полку меня быстро ввели в обстановку и стоящие перед полком задачи. Обстановка была сложная. На границе стояла мощная ударная группировка китайских войск, от полутора до двух с половиной миллиона человек. Основной удар этой группировки был нацелен через г. Благовещенск на выход к транссибирской ж.д. магистрали. Наша ракетная дивизия была у них на пути. С нашей стороны срочно строились укрепрайоны, перебрасывались войска из европейской части страны.

Полки дивизии уже полгода строили своими силами ДОС-ы (дополнительные огневые сооружения в караулах) на позициях ПУ. Полк нес дежурство двумя сменами. Смена заступала на неделю, через неделю. А одна группа (третья смена) занималась этими ДОС-ами. Моя группа в это время занималась строительством, и мне было приказано завтра убыть в район в один из караулов.

В караул нас везли на грузовом УРАЛ-е по бетонной с выбоинами дороге, которые водитель лихо объезжал. Нас кидало в разные стороны. По пути были спуски и подъёмы, но был один длительный спуск в марь, где как я потом узнал, водители традиционно разгонялись. Эта марь называлась «Долиной смерти». Там очень много разбивалось машин со смертельными исходами, но на водителей она действовала гипнотически.

Машины всегда разгонялись. Как то, уже прослужив года три, будучи старшим машины, я на этом спуске кричал водителю – ТОРМОЗИ! Но машина продолжала разгоняться. На одном из ухабов открылся капот, ударил по кабине, закрыл обзор. Как мы спустились... Чудом не вылетели с дороги.

В карауле кроме меня высадили ещё одного молодого лейтенанта, выпускника Ростовского политического училища, прибывшего на должность заместителя командира группы по политической части. По дороге пообщаться нам не удалось, т.к., вцепившись в скамейки, мы старались не выпасть из машины по дороге, нам было не до разговоров.

Нас радостно встретил обросший, в потрепанной х/б форме офицер. Наконец-то, смена! Начал вводить нас в курс дела. На территории уже были вырыты широкие, глубокие траншеи. Наша задача была валить в тайге сосны, доставлять их на позицию, изготавливать из брёвен прямоугольные рамки, вставлять их в траншеи (одна к одной) и скреплять между собой.

Рубероидом делать гидроизоляцию и засыпать землёй. Получались подземные ходы к подземным помещениям, огневым точкам и сооружению для танка, который должен был скоро прибыть на позицию. В

дивизию в это время прибывали эшелонами танки Т-34 и своим ходом двигались на позиции, где их «закапывали».

В нашем распоряжении было 12-15 человек личного состава, грузовой «Урал», трактор. Началась самостоятельная офицерская жизнь. Новенькая полевая форма п/ш быстро стала приходить в негодность, по нашей просьбе подвезли солдатскую сменку. Мы перешли на неё погоны с п/ш, и почувствовали себя значительно лучше.

В первый вечер, сидя у костра и отмахиваясь от туч комаров и мошек, было трудно поверить, что ещё несколько дней назад я бродил по Одессе, и понятия не имел, что ждёт меня впереди. А тут не было ни радио, ни телевизора, и только одна книга оказалась в полевой сумке молодого замполита, которую за месяц нахождения на позиции мы выучили наизусть. Называлась она «В августе 44-го», роман автора Владимира Богомолова.

Бойцы нам попались родом из Сибири, работающие и дисциплинированные.

Когда нас сменили, и мы вернулись в военный городок, «десятку» по-местному, нам дали свободный вечер привести себя в порядок. Приняв душ, я наслаждался цивилизацией. С другими холостяками вечером посетил пивбар, потом кафе «Снежинка» или «Сугроб» как его называли, где я отведал фирменное блюдо - пельмени «Иртыш». Вкуснее этого горячего блюда, приготовленного в глиняном горшочке, с запеченной сверху лепешкой я ни до этого, ни потом нигде больше не пробовал. На протяжении всей службы на Дальнем Востоке это блюдо было любимым мной, моими друзьями и моей будущей женой. К сожалению, в Европе так не готовят. А вечером мы были уже в гостях у местных девушек.

Со следующего дня началась усиленная подготовка к сдаче зачётов на допуск к несению боевого дежурства. Подготовка шла с раннего утра и до самого позднего вечера без выходных. При заступлении нашей группы на боевое дежурство, мы выезжали вместе с ними. Меня «прикрепили» к боевому расчёту подполковника Подымова Льва Николаевича, легендарного

офицера – занесённого в книгу почёта РВСН. Дежурили тогда двумя расчётами - шесть часов через шесть. Я был стажёром 3-го номера боевого расчёта пуска и на практике познавал все тонкости своих будущих обязанностей.

В этот период, на совещании офицеров я снова услышал знакомые слова нашего командира полка: «Иду я сегодня мимо учебного корпуса в час ночи, а окна не светятся. СТИДНО, товарищи офицеры, СТИДНО!». В комнате совещания наступила мертвая тишина ...

Только после сдачи всех зачётов и заступив на первое боевое дежурство, я смог немного расслабиться.

Подходили ноябрьские праздники, когда я впервые получил первые выходные за время нахождения на Ледяной. Я впервые смог попасть на танцы (дискотек тогда ещё не было) в наш ДКСА и увидел, как много симпатичных девушек на нашей «десятке». Правда, как оказалось, многие приезжали из соседних гарнизонов, в том числе со Сквородино (с базы стратегических бомбардировщиков).

В это время я смог стать хозяином однокомнатной квартиры. Мне её передал со всей мебелью, увольняющийся офицер двухгодичник. Я в неё быстро переехал, и жизнь стала налаживаться. Не передать, какие ощущения я тогда испытывал! Это можно было назвать счастьем.

Выходных было мало... Но я влился в дружное холостяцкое братство, и жизнь забурлила разными романтическими приключениями, на которые мы всегда находили время. Откуда только силы брались?

Осенью прекратились все полевые фортификационные работы на позициях и параллельно с несением боевого дежурства нас начали откомандировывать на общевойсковую подготовку.

Инструкторы нас учили стрелять из танкового орудия с использованием артиллерийского прицела, водить БМП и пользоваться её штатным вооружением. Собирали и вели огонь по наземным и воздушным целям из секретного в то время пулемета «УТЁС».

Изучали устройство и применение переносного зенитно-ракетного комплекса «Стрела-2М». Изучали сапёрное дело, в том числе и подрыв своих пусковых установок, с целью их уничтожения, что бы они не достались врагу при их захвате. Готовились к ведению боевых действий с противником, сосредоточившим очень крупные силы на нашей границе, до которой от нас было менее 150 километров.

Новый год я встретил в своей квартире, с друзьями. Были в гостях у нас и девушки. Праздники прошли великолепно. А дальше пошла напряженная офицерская жизнь.

Вскоре подполковник Подымов Л.Н. взял меня в свой расчёт – третьим номером боевого расчёта пуска. Была поставлена задача: сделать расчёт мастеров. Сам подполковник Подымов Л.Н. и второй номер расчёта старший лейтенант Валерий Чкалов - лучший специалист части, были мастерами, а у меня был только третий класс. Начался ускоренный и изнурительный процесс превращения меня в мастера военного дела.

Мастером военного дела я должен был стать по связи. Со мной лично занимался начальник связи дивизии и другие специалисты связисты. Зачёты я сдавал комиссии армии с интервалом в 6 месяцев и при такой подготовке сдавал на отлично. И вот подошла очередь и время сдачи на Мастера военного дела. Мы должны были стать первым расчётом Мастеров в РВСН. К этому времени я знал все электрические схемы всех радио и проводных средств части, все нормативы были отработаны на отлично и как номера расчёта и как расчёта в целом. Но буквально дней за 20 до приезда комиссии выяснилось, что я ещё должен как мастер уметь работать радистом на ключе с помощью морзянки. Это было упущение тех, кто меня готовил. Началось изучение азбуки Морзе. Но освоить работу на ключе и приём радиogramм на

слух у меня не получилось. К величайшему разочарованию всех – расчёта мастеров не получилось. Но получился один из лучших расчётов (возможно лучший) в армии. Подполковник Подымов Л.Н. получил грамоту Главнокомандующего РВСН, а состав нашего расчёта поместили на стенд в учебном корпусе дивизии. Мастером военного дела я стал через год по СДУК, когда начал нести боевое дежурство вторым номером БРП.

С тех пор меня, как лучшего специалиста по связи, обязали проводить занятия по средствам связи, исполнять обязанности начальника связи полка во время его отсутствия, выезжать в полевой район в случае сбоя в связи и т.д. Это было дополнительной нагрузкой к моим повседневным обязанностям, от которых я не освобождался, и когда я был переведён для дальнейшего прохождения службы в другую часть, я постарался никак не упоминать об этом на новом месте службы.

Через два года я встретил на Дальнем Востоке свою будущую жену, дочь офицера, женился. Родился у нас сын.

Моя служба продолжилась потом ещё в двух ракетных армиях, трех дивизиях.

Через 9 лет службы в полках «ОС» я перешёл на подвижные комплексы. Участвовал в постановке на боевое дежурство первого в СССР комплекса «Тополь с точкой».

Затем в другой дивизии - первого в СССР подвижного комплекса «Тополь-М», на котором очень многое было впервые. На этом комплексе я первым в составе дежурной смены заступил на боевое дежурство.

В 1990 году, в рамках масштабного сокращения ВС СССР и подписания договора СНВ-1, началось моё увольнение из армии по сокращению штатов. Меня задержали ещё на год, в связи со служебной необходимостью. Из списков части я был исключен только осенью 1991 года. Началась моя новая жизнь с нуля и очень трудное становление на фоне рухнувшей страны.

Сергей Еремин, 2021 год